СРЕДА **НИЖЕГОРОДСКІЯ** 15 ОКТЯБРЯ.

ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

1847. № 64.

МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

—Октябрь мѣсяцъ почти каждый годъ у насъ бываетъ однимъ изъ лучшихъ мѣсяцовъ относительно погоды. Нынѣшній октябрь съ начала своего измѣнилъ было намъ, но вотъ съ 12 октября стоитъ погода прекрасная. Хотя она еще и не установилась, судя по облакамъ вьющимся по небу отъ времени до времени.

—Въ сентябрѣ мы видѣли здѣсь сѣверное сіяніе, видѣли его и въ другихъ мѣстахъ Россіи и вотъ равно чрезъ мѣсяцъ послѣ этого явленія т.е. 12 октября было у насъ въ Нижнемъ видимо опять *сѣверное сіяніе,* которое продолжалось съ 9 часовъ вечера до 2-го за полночь, при сильномъ югозападномъ вѣтрѣ и при полномъ освѣщеніи луны.—

—Холеры, благодаря Бога, ни въ Нижнемъ Новгородѣ ни въ Нижегородской Губерніи нѣтъ. Что то будетъ далѣе? Не пронесетъ ли Милосердый Господь эту тучу мимо насъ? Въ прошедшее воскресенье т. е. 12 числа въ Спасопреображенскомъ Каѳедральномъ Соборѣ происходило молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ о помилованіи насъ отъ холеры. Преосвященный Іаковъ сказалъ при этомъ случаѣ проповѣдь, которая произвела сильное глубокое впечатлѣніе на слушателей.—Такое же молебствіе было и въ другихъ церквахъ.—

—О пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ особахъ первыхъ четырехъ классовъ:

Изъ имѣнія 7 ч. дѣйст, стат. сов. *Улыбышевъ,* изъ Москвы 13 ч. ген. лейтен. *баронъ Корфъ* ост. въ Кремлев. Части.

НѢЧТО

объ общественной жизни

И ненавидимъ мы и любимъ мы случайно!

Лермонтовъ.

До пріѣзда моего сюда, я жилъ нѣсколько лѣтъ въ одномъ губернскомъ городѣ обширной матушки Россіи, который не величиною своею, ни красивостію зданій, ни числомъ и достоинствомъ жителей, нисколько не уступалъ Нижнему Новгороду. Тамъ было все, что можетъ быть въ губернскомъ городѣ: и соборъ съ нѣсколькими церквами, и присутственныя мѣста съ большими и маленькими чиновниками, и острогъ съ арестантами, и дворянское собраніе съ своими членами и гостями обоего пола, и баталіонъ внутренней стражи, и нѣсколько создателей путей сообщенія, и гимназія съ семинаріей, и дурной театръ съ недурными актерами, и пѣхотный армейскій полкъ съ музыкой и офицерами, и заставы на оконечностяхъ города и губернаторскій домъ посрединѣ. Все, все, что можетъ сдѣлать жизнь и пріятною и гадкою, и здоровою: и нездоровою и хорошенькія женщины и дурныя погоды, и умные мущины и безумныя увлеченія, и пышные обѣды и скромныя гулянья, и шумные вечера и тихія оргіи, и большія игры и мелкія сплетни, и полные карманы и пустые головы. Казалось бы, что при такомъ обиліи жизненныхъ элементовъ, положительныхъ и отрицательныхъ, матеріальныхъ и отвлеченныхъ,

въ этомъ губернскомъ городѣ можно бы было жить всячески, кому какъ пришлось: и скупно и весело, и счастливо и несчастливо,—а въ общей массѣ непремѣнно весело;—анъ—нѣтъ! Надъ массою высшаго сословія жителей властительно тяготѣла тоска, какъ неизлечимая хроническая болѣзнь исключительно принадлежащая этому обществу. «А какъ скучно жить у насъ въ городѣ, говорили обыкновенно всѣ, и коренные жители и пріѣзжіе изъ другихъ сторонъ. »Что это? знакомъ съ цѣлымъ городомъ, а выѣхать не куда, а провести время не съ кѣмъ.»

По подобнымъ жалобамъ трудно подумать, что здѣсь рѣчь идетъ объ образованномъ обществѣ; а между тѣмъ у насъ въ томъ городѣ, о которомъ я вспоминаю—общество составлялось большею частію изъ лицъ съ высокимъ и вполнѣ свѣтскимъ образованіемъ; лицъ очень хорошо знакомыхъ не токмо съ столичною, но даже съ европейскою жизнію, и наконецъ лицъ, изъ которыхъ многія въ состояніи проживать въ годъ нетолько нѣсколько тысячь, но нѣсколько десятковъ тысячь рублей серебромъ, что конечно можетъ дать способы къ развитію общественной жизни. И вотъ вслѣдствіе-то такихъ широкихъ способовъ къ жизни, данныхъ судьбою нѣкоторымъ представителямъ тамошняго общества, у насъ не были рѣдкостью ни большіе балы, ни большіе обѣды; не были даже рѣдкостью шумные пикники и разныя другія, болѣе или менѣе затѣйливыя parti de plaisir. Однако всѣ эти балы и обѣды, какъ большія строчныя буквы въ мелкомъ и дурномъ письмѣ, нисколько не улучшали общественную жизнь, но тѣмъ болѣе выставляли ея недостатки, чѣмъ болѣе ихъ ежегодно разсаживалось въ кругу темныхъ, скучныхъ, въ одиночествѣ проводимыхъ дней всѣми жителями города, подавленнаго, проникнутаго—духомъ разъединенія.

И точно, могутъ ли большіе балы и большіе обѣды, также какъ и всякія другія большія затѣи, составлять существенную и сплошную жизнь общества? Они прекрасны, они пріятны, но они, какъ сильное наркотическое средство, могутъ приниматься съ пользою и удовольствіемъ только изрѣдка; только подъ условіемъ необходимаго отдыха необходимыхъ, между ними, болѣе или менѣе длинныхъ интерваловъ, составляющихъ обыкновенную, ежедневную, будничную жизнь. А эта обыкновенная, ежедневная жизнь не чужда претензій своего рода: въ ней не можетъ умереть потребность быть съ людьми; потребность взаимнаго обмѣна чувствъ и мыслей, потребность бесѣды. Если же въ силу принятыхъ обычаевъ эти потребности не вполнѣ удовлетворяются, то что удивительнаго, что общество нашего города великолѣпно скучало; скучало при оглушительномъ звукѣ музыки, при ослѣпительномъ и жаркомъ освѣщеніи бальныхъ залъ; скучало съ стаканами вина въ рукахъ, или съ букетами самыхъ прекраснѣйшихъ цвѣтовъ, скучало смотря на хорошенькія и веселенькія кадрили изъ немногихъ избранныхъ счастливцевъ.

У насъ, изволите видѣть, не было въ обычаѣ, или лучше сказать былъ странный и общій всѣмъ обычай, не принимать къ себѣ никого знакомыхъ—кромѣ маленькихъ исключеній—такъ, за просто безъ зову. Мы привыкли думать, мы были убѣждены, что какъ мы сами, такъ и къ намъ самимъ гости могутъ ходить только иногда, когда ихъ позовутъ; а въ прочее время всѣ мы должны сидѣть дома, одни сами по себѣ. Сила этого обычая до того была велика, что во многихъ домахъ, и въ будни и въ праздникъ, въ послѣ обѣденное время, распускались, такъ сказать, всѣ пружины, которыми обыкновенно поддерживалась лицевая сторона жизни. Мы такъ были увѣрены, что насъ никто изъ знакомыхъ не обезпокоитъ въ расплохъ, что безъ опасенія могли надѣвать послѣ обѣда чахлы, и на мебель и на себя и на все хорошее; могли распускать по разнымъ другимъ должностямъ свою прислугу, или покрайней мѣрѣ могли разоблачать ее изъ порядочнаго костюма, въ костюмъ не порядочный, и иногда, вмѣстѣ съ бѣлыми вязаными перчатками, снимать съ нее и сапоги, какъ украшеніе совершенно излишнее для челяди. Однимъ словомъ, все порядочное въ домѣ и въ самихъ себѣ обращалось у насъ, по вечерамъ, почти въ непорядочное: мы знали, что насъ никто не увидитъ, а слѣдовательно никто и не осудитъ.

Конечно, въ этой своего рода конфортабельности—въ возможности жить большую часть жизни, по просту безъ коклюшъ, спустя рукава, есть, можетъ быть, много своихъ выгодъ, однако невыгоды сильнѣе: скука въ этомъ случаѣ слабѣйшее зло; главное же зло, происходящее отъ такаго образа жизни, заключалось, какъ я выше сказалъ, въ духѣ разъединенія, въ духѣ непобѣдимой непріязненности другъ къ другу. Встрѣчаясь съ своими знакомыми только въ условленные, болѣе или менѣе парадно устроенные дни, и въ минуты форменныхъ визитовъ, общество наше, разумѣется, не имѣло возможности сблизить-

ся между собою и разузнать другъ друга собственнымъ сознаніемъ: всѣ данныя для опредѣленія чьихъ бы то ни было нравственныхъ достоинствъ, собираемы только однимъ путемъ, путемъ мелкихъ, гадкихъ и часто самыхъ нелѣпыхъ сплетней, которыя тѣмъ болѣе широко развивались, чѣмъ менѣе вязались дружескія отношенія между разрозненными членами общества. Къ этому увеличенію непріязненныхъ отношеній, способствовало, еще болѣе, неизбѣжное образованіе между нами разныхъ мелкихъ партій, составлявшихся, вопреки всеобщаго обычая, по закону необходимости. Человѣкъ рожденъ для общества, и слѣдовательно, какъ бы силенъ обычай не былъ, онъ не можетъ не желать сближенія съ себѣ подобными. По этому то, всѣ звѣзды первой величины, и даже не первой, а вторыхъ и третьихъ величинъ, имѣли около себя нѣсколькихъ спутниковъ, съ которыми и дѣлили время на дружеской ногѣ, посѣщая другъ друга за просто, и обмѣниваясь, болѣе или менѣе довѣрчиво, своими мыслями, а чаще, занимаясь критическимъ разборомъ дѣйствій лицъ, принадлежащихъ къ другимъ партіямъ. Такимъ образомъ все общество цѣлаго города, необходимо связанное между собою обстоятельствами положительной жизни, вращалось мелкими партіями, почти посемейно, въ отдѣльныхъ одна отъ другой орбитахъ, и только въ минуты особенныхъ возмущеній жизненной системы, въ минуты большихъ баловъ и большихъ обѣдовъ; сталкивалось между собою на данномъ пространствѣ, будучи все таки чуждо другъ другу по своему направленію и по подразумѣваемому различію въ образѣ мыслей, правилъ и понятій.

Очень натурально, что при такихъ отношеніяхъ и форменные визиты и случайныя встрѣчи на общихъ собраніяхъ, были, для большинства, до того непріятны, что нѣкоторые члены нашего общества обоего пола, во все уединились, и такъ сказать замкнулись въ свою семейную жизнь, разорвавши такимъ образомъ силою своей воли, не естественныя связи съ обществомъ. Остальные же, покаряясь принятымъ условіямъ общественной жизни, какъ необходимому ярму, въ отмщеніе за тягость исполненія всѣхъ формъ для поддержанія незнакомаго знакомства, широковѣщательно злословили своихъ ближнихъ и очень откровенно роптали на скуку общественныхъ отношеній!

При такомъ положеніи вещей гораздо болѣе страдали у насъ женщины, нежели мужчины. хотя онѣ, можетъ быть, менѣе были виновны въ причинахъ общественной болѣзни. Дома—тоска! не съ кѣмъ слова молвить; въ свѣтѣ?... да что же можно ожидать въ свѣтѣ, такъ непріязненно настроенномъ? У насъ каждая и каждый членъ общества очень хорошо разумѣли до какой степени духъ разъединенія развилъ во всѣхъ духъ осужденія, потому что каждая и каждый, слѣдуя общему потоку, становились въ одно и то же время и въ положеніе судей и въ положеніе подсудимыхъ. Бывало только входятъ наши дамы въ залъ собранія, или куда бы то ни было въ бальный залъ, ихъ строго пронизываютъ сотни глазъ и вооруженныхъ и невооруженныхъ, и пронизываютъ, конечно, не съ желаніемъ найти въ нихъ что нибудь хорошее, а навѣрное дурное, такъ, что онѣ, пока проходятъ десять, двадцать шаговъ до соединенія съ другими сквозь этотъ строй внимательныхъ глазъ *добрыхъ* своихъ знакомыхъ, онѣ уже настрадаются на столько, что впечатлѣнія цѣлаго вечера не могутъ изгладить изъ нихъ горечи того чувства. Надо было имѣть слишкомъ много увѣренности въ себѣ, слишкомъ много быть львицей, слишкомъ много красавицей, чтобы не поддатся, хотя на мгновеніе, этому не пріятному чувству—чувству ожиданія осужденія. А потомъ, что же ожидало нашихъ дамъ въ продолженіе бала?... не надо было быть большимъ наблюдателемъ, чтобы впередъ разузнать, кто съ кѣмъ будетъ говорить въ продолженіе вечера, кто съ кѣмъ будетъ танцовать. И здѣсь какъ и вездѣ, грозное значеніе *партіи* вступало въ свои права: уничтожить его не могли даже свѣтскія добродѣтели истинно свѣтскихъ людей, привыкшихъ маскировать настоящія свои чувства.

Между тѣмъ нелѣпость, или точнѣе, безприличность враждебныхъ отношеній каждой партіи противу всѣхъ другихъ, видна была изъ того, что самыя партіи у насъ образовывались совершенно случайно. Люди сближались между собою; складывались въ маленькія, очень маленькія группы, не вслѣдствіе законовъ химическаго сродства и не по магнетическому влеченію родныхъ между собою душъ, а такъ, просто, вслѣдствіе какаго нибудь случайнаго толчка, при которомъ они нечаянно вызнали другъ въ другѣ хорошія стороны. Болѣе же всего, говоря ученымъ языкомъ, подобныя партіи образовались у насъ по условіямъ географическаго положенія страны т. е. по болѣе или менѣе ближайшему сосѣдству жительства.... А какъ грозно, а какъ безпощадно жестоко нападали онѣ одна на другую! грустно вспомнить но нельзя и забыть, что у насъ бывали случаи, когда лица враждебныхъ между собою партій, лица прекрасно образованныя, и по самому сво-

ему родовому праву принадлежащія къ прекрасному полу, забывали иногда условія приличія и дѣлали «сцены» которыя никакъ не могутъ назваться прекрасными, какъ бы ни былъ силенъ поводъ къ подобнымъ «сценамъ»..

Говоря о партіяхъ, нельзя не упомянуть, что у насъ еще была довольно большая, сборная партія, нѣчто въ родѣ образцоваго полка, партія составлявшаяся изъ разныхъ существовавшихъ въ городѣ семейныхъ партій—это партія игроковъ. Эта эгоистическая партія, не смотря на общественное разведеніе, не смотря даже на разныя дѣловыя распри, какъ неизбѣжныя между мужчинами, гдѣ дѣлаются дѣла, гдѣ сталкиваются личные интересы, личные эгоизмы людскіе и разныя другія страсти и страстишки, эта партія имѣла однако необыкновенную терпимость и уклончивость во взаимныхъ сношеніяхъ своихъ членовъ. Почти дружески она сходилась всегда и въ клубѣ и другъ у друга, наслаждаясь или преферансомъ, или бостономъ, или другими пріятными играми. Кто могъ сюда принадлежать а сюда всякій играющій въ карты—тотъ могъ не только нечуствовать, но даже вовсе незнать общественной болѣзни нашей, незнать, что у насъ въ городѣ жить очень скучно.

Какъ вся ихъ жизнь была полна
Единствомъ чувствъ и даже мнѣній!
Какъ безмятежно шла она
Среди ремизовъ, приглашеній,
Прикупокъ, вистовъ, пасовъ, сдачь,
И милыхъ сердцу консолацій!
Они не знали неудачь,
Ихъ жизнь была безъ варіацій!

Надо однако сказать, что эта партія игроковъ, если нисколько не сглаживала рѣзкихъ штриховъ картины, нашей общественной жизни, то покрайней мѣрѣ мѣшала видѣть ее ясно. Какъ тонкій листокъ бумаги наложенный на гравюру, она покрывала мрачныя изображенія, весьма некрасивыхъ отношеній нашего общества....

Наконецъ, что объясненная болѣзнь того рода, о которомъ идетъ рѣчь, была дѣйствительно мѣстною; случайною болѣзнію, и никакъ не оправдывалась неизбѣжностью самаго устройства провинціальной жизни вообще, это доказывается тѣмъ, что большая часть членовъ нашего общества, нетe уважали, но даже взаимно уважали другъ друга; взаимно находили другъ въ другѣ много прекрасныхъ, нравственныхъ качествъ; а не любили.... не любили другъ въ другѣ только одну взаимную нелюбовь къ себѣ. Это очень понятно. За что же и въ самомъ дѣлѣ мы будемъ любить человѣка, будь онъ хоть совершенство изъ совершенствъ, если онъ насъ не любитъ? Чѣмъ больше въ немъ достоинствъ, тѣмъ хуже для него, потому что мы въ такомъ случаѣ живѣе и сильнѣе чувствуемъ лишеніе его любви, и значитъ, живѣе и сильнѣе него дуемся какъ на него, такъ и на всѣхъ тѣхъ, кого онъ любитъ.—Вотъ начало и вотъ конецъ нашихъ враждебныхъ отношеній, связанныхъ, къ несчастію, наружными изъявленіями почтенія и преданности, и чопорными поклоненіями визитами.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЧАСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

О НАЙМѢ ДОМА

ДОМЪ нижегородскаго Благовѣщенскаго Собора протоіерея Павла Лебедева, противъ уѣзднаго училища, на углу Тихоновской и Малой Печерской улицъ, со всѣмъ удобствомъ, отдается въ наемъ.—2.

О ПРОДАЖѢ ФОРТЕПІАНЪ

На Малой Покровкѣ въ домѣ Горячева продаются ФОРТЕПІАНЫ по ненадобности, за самую сходную цѣну, ихъ можно видѣть во всякое время, кромѣ воскресныхъ дней.—1.

О ПРІѢХАВШИХЪ И ВЫѢХАВШИХЪ съ 11 по 15 октября 1847 года.

Пріѣхали въ Нижній—Новгородъ.

Изъ с. Ульянова от. пор. *Граве*, изъ Карсуна проѣзд. въ Семеновъ шт. ротм. *Ильинъ*, изъ имѣнія тит. сов. князь *Дадіанъ*, изъ Тамбова проѣз. въ Саратовъ. п. лк. *Ивановъ*, изъ Москвы проѣз. въ Казань подпор. *Бѣляевъ*, изъ Казани инспекторъ здѣшней гимназіи над. сов. *Зейдлеръ*, изъ Арзамаса от. колл. регист. *Евреиновъ*, изъ Ардатова колл. асс. *Васильевъ*, и тит. сов. *Свигуровъ*, изъ Иркутска проѣзд. въ Сибургъ колл. сов. камеръ-юнкеръ Д. Е. И. В. *Булычевъ* остан. въ Кремлев. Части.

Выѣхали изъ Нижняго—Новгорода.

Въ имѣніе тит. сов. *князь Дадіанъ*, въ Казань от. подпор. *Бѣлявинъ*.

Редакторъ П. Мельниковъ